

А. Н. ЦАМУТАЛИ

НИКОЛАЙ ЯКОВЛЕВИЧ АРИСТОВ

В трудах по истории России, вышедших в свет в 60—70-е годы XIX в., в период быстрого развития капитализма, буржуазных реформ, дважды возникавшей революционной ситуации, отчетливо прослеживается тенденция исторически обосновать политическую программу различных классов русского общества.

Представители официального охранительного направления в русской историографии (М. П. Погодин, Н. Г. Устрялов и др.), отстаивая интересы дворянской империи, всячески превозносили в своих работах русское самодержавие. Буржуазное направление в русской историографии достигло в эти годы определенного успеха в разработке ряда конкретных проблем, в расширении круга используемых источников. Особенно значительный вклад в разработку русской истории внес наиболее крупный представитель этого направления С. М. Соловьев, выдвинувший теорию органического развития русской истории, которая строилась на исторической закономерности перехода от родовых отношений к государственным и в рамках современной ему буржуазной исторической науки была шагом вперед.

Вместе с тем уже в пореформенные годы назревает кризис буржуазного направления в исторической науке, вызванный переходом русской буржуазии, напуганной возможностью революции, на путь соглашения с самодержавием. Историкам буржуазно-дворянского лагеря, их трудам и концепциям противостояло революционно-демократическое направление, представленное в пореформенный период трудами Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Н. В. Шелгунова, рассматривавших историю, как историю народа, подчеркивавших историческое значение народных движений против господствующих классов. Борьба демократического направления в русской историографии против либерально-дворянских историков играла первостепенную роль в развитии русской исторической науки. Под влиянием демократического направления в русской историографии сформировались такие историки, как А. П. Щапов и Г. З. Елисеев. Для того чтобы полно представить борьбу, развернувшуюся в русской историографии, и оценить то значение, которое имело демократическое направление в развитии

русской исторической науки, необходимо коснуться трудов некоторых историков, не принадлежавших к демократическому лагерю, но так или иначе испытавших на себе влияние историков-демократов.

Именно к таким историкам относится Николай Яковлевич Аристов (1834—1882 г.), автор ряда работ, в том числе монографических, по русской истории, фольклору и археологии, преподававший русскую историю в ряде университетов.¹

В «Русском биографическом словаре» в томе «Алексинский — Бестужев-Рюмин», вышедшем в 1900 г., была помещена написанная С. А. Адриановым статья «Аристов», в которой была изложена его биография, перечислены работы и сделана попытка дать общую оценку его научной деятельности. Отрицая наличие у Аристова «цельного, строго выдержанного воззрения на русскую историю», Адрианов полагал, что в своих работах он руководствовался «симпатиями и антипатиями, воспитанными окружающей средой и обстоятельствами его жизни и определившимися под влиянием Щапова». С симпатией, по мнению автора статьи, Аристов относился к низшему духовенству и к «народной массе», с антипатией — ко всему, что мешало «свободному развитию и материальному благосостоянию этих двух классов народонаселения». Обращая особенное внимание на то, что Аристову наиболее антипатично было «иноземное влияние, оторвавшее на долгое время высшие классы от низших, поселившее между ними обоюдное непонимание и вражду», Адрианов подчеркивал присутствие в некоторых работах Аристова взглядов в какой-то мере сходных со славянофильской концепцией.²

В общих курсах по историографии, относящихся уже к советскому периоду, Аристов обычно упоминается не в связи с славянофильским направлением, с которым сблизил его Адрианов, а как представитель так называемого «буржуазного экономизма». В этой связи пишет о нем Н. Л. Рубинштейн в своей книге «Русская историография».³ В «Очерках истории исторической науки в СССР» Аристов упоминается лишь как один из буржуазных историков, сотрудничавших в журнале «Древняя и новая Россия», и как автор книги «А. П. Щапов».⁴ Таким образом, работы Аристова до сих пор не стали предметом специального исследования.

¹ Н. Я. Аристов вначале был доцентом Казанского университета (1866—1869), затем профессором Варшавского (1869—1873) и Харьковского университетов (1873—1875) и, наконец, инспектором и профессором Нежинского историко-филологического института (1875—1882).

² Русский биографический словарь, том «Алексинский — Бестужев-Рюмин». СПб., 1900, стр. 287.

³ См.: Н. Л. Рубинштейн. Русская историография. М., 1941, стр. 365, 443, 451.

⁴ Очерки истории исторической науки в СССР, т. 2. М., 1960, стр. 270, 613.

Аристов, получивший высшее образование в Казанской духовной академии, был на несколько курсов младше А. П. Шапова, с которым сблизился еще в студенческие годы. Типичные различия по своему происхождению: сын дьячка Шапов и сын сельского священника Аристов, по-видимому, имели немало общего между собой. Под влиянием Шапова Аристов решает заняться изучением русской истории. Назначение, полученное им после окончания академии, мешало заниматься избранным предметом: приходилось преподавать математику, затем русскую словесность в Симбирской духовной семинарии. Семинарская обстановка угнетала его. «Давно просится моя душа на простор, только оковали ее черствыми черными путами наши черные патроны», — писал Аристов И. С. Аксакову из Симбирска 24 июня 1861 г. В этом же письме он сообщал о своем намерении в ближайшее время уехать в Петербург, «какжется, насовсем».⁵

Приехав в июле 1861 г. в Петербург, Аристов встретился со Шаповым, который помог молодому коллеге устроиться на новом месте, разыскал для него частные уроки, хлопотал через Костомарова о разрешении сдавать магистерские экзамены при Петербургском университете, ввел его в круг столичных историков. Рекомендуя Аристова как возможного сотрудника для «Энциклопедического словаря, составленного русскими писателями и учеными», Шапов писал К. Н. Бестужеву-Рюмину: «У меня есть знакомый, некто Аристов, человек, специально изучавший раскол. Он берется написать статью об Александре Вятском и способен».⁶

В 1862—1866 гг. Аристов публикует на страницах петербургских журналов («Время», «Библиотека для чтения» и др.) более 20 статей и рецензий.⁷ В 1866 г. выходит отдельным изданием его магистерская диссертация «Промышленность древней Руси». Тематика этих работ (борьба земского и государственного начал в русской истории, народные движения, раскол, экономическая жизнь

⁵ Н. Я. Аристов — И. С. Аксакову, 24 июня 1861 г. Рукописный отдел ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, д. 11, лл. 1—1 об.

⁶ А. П. Шапов — К. Н. Бестужеву-Рюмину (ок. 1862 г.). Рукописный отдел ИРЛИ, д. 25135/CLXXXI6.13, л. 1.

⁷ Наиболее значительные из них: в журнале «Время» — «По поводу новых изданий о расколе» (1862, № 1, стр. 76—86); в «Библиотеке для чтения» — «Отживающие воззрения» (1862, № 5, стр. 119—136), «Следствия падения общинного и выборного начала» (1862, № 6, стр. 149—178), «Что нужно для русской истории в настоящее время» (1862, № 8, стр. 79—114), «Чиновничий элемент в разработке русской истории» (1862, № 12, стр. 115—133), «Раскольничьи дела XVIII столетия» (1863, № 4, стр. 39—67), «Русские города и их администрация» (1863, № 6, стр. 1—29), «Заметки о сельском управлении в России» (1864, № 8, стр. 1—24), «Ра бойники и беглые времен Петра Великого (1682—1725)» (1864, № 10—11, стр. 1—28). Некоторые статьи в эти годы Аристов подписывал псевдонимом «Н. Ветвицкий».

древней Руси) примерно та же, что и тематика большинства работ Щапова. Работы периода 1862—1866 гг. представляются автору написанными в духе нового направления в изучении русской истории — направления, поставившего главной целью изучение истории народа. В 1862 г. в статье «Отживающие воззрения» Аристов писал: «В последнее время, наконец, сознали, что писать исторические исследования — не значит высчитывать только шаги и размахи горсти лиц, вести перечень побед бесполезных, следить за формами учреждений гражданских и т. п., сознали, что в истории должна быть на первом плане жизнь народная, с ее проявлением, развитием, со всеми ее особенностями».⁸

Историками, представлявшими новое направление, Аристов считал в эти годы А. П. Щапова и Н. И. Костомарова. Не соглашаясь с отдельными положениями, выдвинутыми в работах Костомарова,⁹ он оценил труды этого историка, который, по его мнению, понимал необходимость изучать всесторонне и в развитии «цельную жизнь народа». Особенную заслугу Костомарова Аристов видел в том, что он одним из первых «спустился в низкую, по-тогдашнему, сферу народной жизни», занялся изучением истории «низших классов».¹⁰ Щапов в 60-е годы был для Аристова непререкаемым авторитетом, «исгориком, привыкшим видеть во всяком факте жизненный смысл, докапывающимся до глубины народного духа», заслужившим, несмотря на свою молодость, «одно из самых почтенных мест между русскими литераторами».¹¹

Стараясь идти в ногу со Щаповым, Аристов критически отнесся к ряду работ историков буржуазно-дворянского лагеря, обращавших преобладающее внимание на политическую историю, обстоятельно освещавших деятельность выдающихся личностей, но оставлявших без должного изучения историю народа.

Рецензируя IV том «Истории Петра Великого» Н. Г. Устрялова, Аристов писал, что этот труд содержит «сухой перечень» фактических данных, касающихся главным образом вопросов, связанных с войнами, дипломатическими и политическими событиями. «Название книги, — писал Аристов, — не отвечает ее содержанию: это не более, не менее, как сборник материалов, извлеченных из

⁸ Н. Ветвицкий. Отживающие воззрения. Библиотека для чтения, 1862, № 5, стр. 119—120.

⁹ См.: [Н. Я. Аристов]. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. Соч. Николая Костомарова (Два тома, СПб., 1863). Библиотека для чтения, 1863, № 3, стр. 35; Н. Я. Аристов. Кто был первый Лжедмитрий? Историческое исследование Н. Костомарова. СПб., 1864. Библиотека для чтения, 1864, № 8, стр. 35—48.

¹⁰ [Н. Я. Аристов]. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. Соч. Николая Костомарова, стр. 28.

¹¹ Н. Ветвицкий. Чиновничий элемент в разработке русской истории. Библиотека для чтения, 1862, № 12, стр. 130, 125.

разных архивов». Отметив наиболее интересные, с его точки зрения, материалы, содержащиеся в труде Устрялова, Аристов обращает особенное внимание на те из них, которые свидетельствуют о тяжелом положении народа при Петре I, относятся к истории народных волнений в начале XVIII в., в частности, к астраханскому бунту.¹² Критические замечания Аристова по поводу IV тома «Истории царствования Петра Великого» имеют общие черты с той критикой, которой подверг тт. I—III того же труда Устрялова Н. А. Добролюбов, считавший, что «истинной истории во всей обширности ее философского и прагматического значения нельзя видеть в ныне изданных томах „Истории Петра Великого“». ¹³ Разбирая книгу П. П. Щебальского «Чтения из русской истории (с исхода XVII века)», Аристов упрекал автора этой книги в том, что тот лишь делает вид, что интересуется историей народа, а на самом деле «во всем... преследует формы, „как дьяк, в приказах поседель“, формы административной России и не хочет знать жизни, ее борьбы и развития». Отметив как недостаток то, что Щебальский лишь упоминает о происходивших бунтах и волнениях, он замечает, что историк, коснувшись таких событий, должен раскрыть их причины, «рассказать поподробнее, что в бегстве и разбоях народ заявлял свои права, давал знать о своем недовольстве господствующим порядком». Не соглашается Аристов и с содержащейся в книге Щебальского трактовкой раскола как исключительно религиозного движения.¹⁴

В рецензии на книгу «Высшая администрация России XVIII ст. и генерал-прокуроры», написанную типичным представителем государственной школы А. Д. Градовским, Аристов возражает против стремления автора преувеличить значение государственного аппарата в жизни русского государства XVIII в. и идеализировать государственные учреждения, созданные Петром I.¹⁵

В декабре 1862 г. в журнале «Библиотека для чтения» была опубликована рецензия Аристова на XII том «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева и книгу А. П. Шапова «Земство и раскол»¹⁶ под названием «Чиновничий элемент в разработке русской истории». Само заглавие должно было подчерк-

¹² Н. Я. Аристов. История царствования Петра Великого. Том четвертый. Части первая и вторая (СПб., 1863). Библиотека для чтения, 1864, № 6, стр. 4, 16.

¹³ Н. А. Добролюбов. Первые годы царствования Петра Великого. Полн. собр. соч., т. 3. М., 1936, стр. 121.

¹⁴ Н. Ветвицкий. Отживающие воззрения, стр. 127, 126, 120.

¹⁵ [Н. Я. Аристов]. Высшая администрация России XVIII ст. и генерал-прокуроры. Соч. А. Градовского. СПб., 1866. Отечественные записки, 1867, № 2, стр. 165—177.

¹⁶ Н. Ветвицкий. Чиновничий элемент в разработке русской истории, стр. 115—133.

нуть, что Соловьев подобен чиновнику, равнодушному к судьбе народа. Главный недостаток его труда Аристов видел в том, что автор «имеет в виду одну формальную постановку народной жизни». Эта «формальная постановка народной жизни» состоит, по мнению Аристова, в том, что автор «Истории России» сосредоточивает все внимание на «внешней стороне русской жизни», т. е. на вопросах политической истории и не касается «внутренней истории жизни народа».¹⁷

Аристов упрекает Соловьева и в том, что последний слишком много внимания уделяет описанию поступков отдельных исторических личностей и преувеличивает значение этих поступков для общего хода истории. Заметив, что в XII томе «Истории России» «большая часть исторических явлений опирается на личном раздражении и властолюбивых стремлениях гетманов, архиереев и полковников», он восклицает: «Неужели несколько незначительных личностей могли клонить, куда им угодно, целый народ?»¹⁸

Далее Аристов возражает против тех оценок, которые Соловьев дает ряду событий в русской истории. Он не соглашается с Соловьевым, расценивающим народные движения как проявление анархии, и пишет в связи с этим, что Соловьев «как-то дико смотрит на явления самозванцев, бунтовщиков, беглых всякого рода». «Дикость» точки зрения Соловьева на «бунтовщиков», по мнению Аристова, состоит в том, что автор «Истории России» «смотрит на эти явления как на случайности, на болезненные наросты строгого организма государственного, как на уродливый разгул страстей и пьянства». Ошибкой Соловьева Аристов считал преуменьшение роли раскола, изображение раскольников в виде «людей несмысленных», а расколоучителей в виде «глупых фанатиков, борющихся из-за мелочей обрядовых и мертвой буквы».¹⁹

XII том «Истории России», по мнению Аристова, правильнее было бы назвать «Материалы для русской истории». А чтобы эти «материалы» превратить в «Историю России», следовало бы, как полагал Аристов, осмыслить факты, обратив внимание на «жизненные стремления и потребности» народных масс.²⁰

Интересно сравнить статью «Чиновничий элемент...» с рецензией Г. З. Елисеева на тт. VII—VIII «Истории России», опубликованной под псевдонимом Грыцько в «Современнике». Замечания Аристова звучат в унисон со словами Елисеева о том, что Соловьева интересует «государство и территория его, а не народ».²¹

¹⁷ Там же, стр. 125.

¹⁸ Там же, стр. 116.

¹⁹ Там же, стр. 130—131.

²⁰ Там же, стр. 132—133, 125.

²¹ Грыцько. Исторические очерки (История России с древнейших времен. Соч. Сергея Соловьева. Тт. VII и VIII). Современник, 1860, № 11, стр. 71.

Недостаток «Истории России» Елисеев видел в том, что в ней недостаточно уделено внимания вопросу о внутреннем состоянии и развитии народа, не учитывается, какими средствами была достигнута централизация Московского государства, в искаженном виде представлено положение народа, благосостояние которого якобы возрастало с усилением централизации государственной власти.²²

И Елисеев, и Аристов противопоставляют трудам Соловьева работы Щапова. Елисеев писал, что холодный прием, оказанный читателями VII—VIII томам «Истории России», последовал из-за перечисленных им недостатков, присущих труду Соловьева, и был особенно заметен на фоне успеха, который имела книга Щапова «Раскол русского старообрядства», содержавшая критический разбор истории России XVII—XVIII вв. Лишь в этой связи Елисеев в 1860 г. противопоставлял Щапова Соловьеву, не находя возможным «по таланту и эрудиции» сравнивать между собой Соловьева и Щапова.²³

Аристов в 1862 г. противопоставляет Соловьева и Щапова, как представителей разных направлений в русской истории, становясь при этом целиком на сторону Щапова. Он во всем видит превосходство Щапова над Соловьевым. В его представлении Соловьев интеллигентен лишь государством, а Щапов народной жизнью во всем ее многообразии. Работы Соловьева разочаровывают Аристова, так как наполнены «схоластическими пунктами историческими», а работы Щапова привлекают тем, что отличаются «живым исследованием». Аристов замечает, что, по его мнению, «идея областного быта наповал убивает пресловутое родовое начало Древней Руси и попытку посредством его объяснить исторические явления».²⁴ Нам представляется, что этим не очень четко сформулированным замечанием он хотел сказать, что отдает предпочтение общей концепции русской истории, выдвинутой Щаповым, составной частью которой была областная теория, а не схема, выдвинутой Соловьевым и построенной на переходе от родовых отношений к государственным.

Не менее интересно сравнить рецензию Аристова на XII том «Истории России» Соловьева со статьей Н. В. Шелгунова «Ученая односторонность»,²⁵ содержавшей критический разбор XIII тома того же труда. «Хотя г. Соловьев и назвал свое сочинение „Историей России“, — писал Шелгунов, — но оно в действительности есть история российского государства».²⁶ Причину такой ограни-

²² Там же, стр. 68—69.

²³ Там же, стр. 71.

²⁴ Н. Ветвицкий. Чиновничий элемент в разработке русской истории, стр. 132, 126.

²⁵ Н. В. Шелгунов. Ученая односторонность. Русское слово, 1864. № 4, стр. 1—36.

²⁶ Там же, стр. 5.

ченности «Истории России» Шелгунов объяснял тем, что Соловьев «сам не видит исторической жизни России в полной ее совокупности». Соловьев, по мнению Шелгунова, показав правительственную жизнь, не сумел показать жизнь народную, показав политические нужды страны, не сумел показать экономические нужды, в силу чего его труд «дает читателю понять дело только в полочину». ²⁷ Недостаток XIII тома «Истории России» Шелгунов видит и в том, что в этой работе взгляд автора «скользит только по поверхности, но не углубляется в самую суть жизни». ²⁸ Замечание Шелгунова о том, что Соловьеву не хватает «широкого, всестороннего взгляда на судьбу описываемого народа», сопровождается оговоркой, гласящей, что, отмечая недостатки, рецензент не думает утверждать, «чтобы г. Соловьев, подобно чиновнику, имел намерение составить доклад по русской истории». ²⁹ Эта оговорка невольно наталкивает на мысль, не имел ли Шелгунов в данном случае в виду статью Аристова «Чиновничий элемент в разработке русской истории», тон которой мог показаться ему слишком резким.

Возможно что Шелгунов мог быть не согласен с некоторыми оценками Аристова. Более того, очевидно, что исторические концепции Аристова, Елисеева, Шелгунова отличались друг от друга. Так, например, Аристов и Шелгунов по-разному оценивали роль географического фактора в истории России; Аристов придавал ему большее, а Шелгунов меньшее значение. Но при этом у всех троих были общие черты в критике «Истории России». Все трое упрекали Соловьева в увлечении политической историей и недооценке истории экономической и видели в «Истории России» историю государства, а не историю народа. К чести Аристова следует заметить, что в его рецензии выделена как серьезный недостаток трактовка народных движений как анархии.

Критику в адрес Соловьева, содержащуюся в статье «Чиновничий элемент...», разделял Щапов. Статья Аристова понравилась Щапову, он говорил, что «Соловьев в своей истории совсем не говорит о народе». В том же разговоре Щапов доказывал, что «история внутренней жизни многомиллионного народа должна совсем уничтожить внешнюю историю чиновничью, военную и проч.». ³⁰

Критические замечания Аристова на книги Устрялова, Соловьева, Градовского, Щебальского имели общие черты с той критикой, которой подвергали представители революционно-демократического направления в русской историографии историков либерально-дворянского лагеря за чрезмерное увлечение политической

²⁷ Там же, стр. 36.

²⁸ Там же, стр. 28.

²⁹ Там же, стр. 5.

³⁰ Н. Я. Аристов. Афанасий Прокофьевич Щапов. СПб., 1883, стр. 78—79.

историей, преувеличение роли государства и отдельных личностей в истории, невнимание к истории народа.

Намерение не ограничиваться историей государства и возможно шире осветить историю России заметно в составленной Аристовым хрестоматии по русской истории.³¹ Составляя хрестоматию, он старался собрать в ней документы и материалы, не только относящиеся к истории юридических норм и административных учреждений, но и освещающих экономику, быт, культуру народа, географические условия страны. Кроме разделов «Управление», «Законы и судопроизводство», в хрестоматии были разделы «Промышленность и торговля», «Общественная и частная жизнь», «Географическое положение и областные особенности», «Вера и образование», «Внешние отношения России к другим племенам». Работая над хрестоматией, Аристов писал М. И. Семевскому, что стремится расположить в ней древние памятники, «принимая в основание их содержание, а не внешнюю или хронологическую сторону».³²

В лекциях, которые Аристов читал студентам, главную часть составляли сведения об экономике, быте русского народа, а политической истории уделялось второстепенное внимание.³³ Выдвигая тезис о необходимости всестороннего изучения истории народа, Аристов большое внимание придавал географическим условиям, этнографическим особенностям и экономической жизни народа. В одной из своих ранних статей он писал, что жизнь народа находится под влиянием трех факторов: местности, племенного характера, «особенного рода занятий и деятельности».³⁴

Необходимость изучать экономическую историю особенно подчеркнута в работах Аристова. Невнимание к истории экономики он считал серьезным недостатком большинства работ по русской истории. «Начиная с Карамзина, — писал Аристов, — большинство историков русской старины увлекались политической и административной стороной русской истории. Их внимание было обращено на изучение более крупных явлений, которые закрывали собой

³¹ Н. Я. Аристов. Хрестоматия по русской истории для изучения древнерусской жизни, письменности и литературы от начала письменности до XVI в. Варшава, 1870.

³² Н. Я. Аристов — М. И. Семевскому, 29 июня 1867 г. Рукописный отдел ИРЛИ, ф. 274, оп. 1, д. 62, л. 1.

³³ Лекции Аристова напечатаны не были. Об особенностях лекций сообщает С. А. Адрианов в упомянутой статье. Из переписки Аристова с С. Н. Шубинским видно, что он собирался опубликовать отдельные разделы своих лекций. В частности, он предлагал опубликовать в журнале «Древняя и новая Россия» статью в семь или более листов под названием «О значении татарского погрома для России», представлявшую собой отрывок из лекций (Н. Я. Аристов — С. Н. Шубинскому, 22 октября 1876 г. Рукописный отдел ГПБ, ф. 874, д. 4, л. 5). Статья не была напечатана.

³⁴ Н. Я. Аристов. По поводу новых изданий о расколе. Время, 1862, № 1, стр. 76.

другие, хотя и не такие заметные, но не менее существенные вопросы исторической жизни, как например вопрос «экономический».³⁵

Аристов считал, о чем можно судить по его предисловию к книге «Промышленность древней Руси», что изучение экономической жизни позволит решить вопрос «о материальном благосостоянии» русского народа, «о направлении и складе характера, о движении или застое цивилизации, которые главным образом обуславливаются материальным развитием страны».³⁶ Экономике (особенно в истории русского государства X—XV вв.) он уделяет большое внимание. В книге «Промышленность древней Руси» Аристов, понимавший под «промышленностью» всю совокупность хозяйственной деятельности человека, собрал огромный фактический материал, относящийся к характеристике экономики Руси X—XV вв. В книге приведены почти все данные, которые историк 60-х годов XIX в. мог почерпнуть в летописях, актовых материалах, сказаниях, былинах, а также у иностранных авторов. Разнообразные сведения, характеризующие земледелие, скотоводство, ловлю птиц и зверей, бортничество, огородничество, солеварение, составляют содержание I главы, посвященной «промышленности, касающейся пищи и питья». II и III главы, посвященные «промышленности, касающейся построения жилищ и орудий», и «промышленности, относящейся до одежды и обуви», содержат сведения о ремесле плотников и каменщиков, о производстве металлических изделий, об изготовлении материй, обработке мехов и т. п. В последней, IV главе, озаглавленной «Промышленность, передающая или сбыт произведений промышленности», обстоятельно рассматривается состояние внутренней и внешней торговли в древней Руси. Книга Аристова была значительным событием в русской историографии, поскольку она представляла собой первую обобщающую работу по истории древнерусской экономики. Б. А. Рыбаков назвал выход в свет этой книги «крупнейшим событием в историографии древнерусского хозяйства».³⁷ Аристов не разделял исследуемый им исторический период на отдельные этапы. Он полагал, что экономическая жизнь в древнерусском государстве развивалась крайне медленно, что на Руси «почти незаметно усовершенствование промышленных производств до XV в.». Медленное развитие русской экономики Аристов объяснял влиянием природы Восточноевропейской равнины, способствовавшей тому, что русские предпочитали осваивать новые земли путем колонизации, а не заниматься улучшением промыслов и усовершенствованием

³⁵ Цит. по кн.: А. И. Никитский. История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893, стр. VII.

³⁶ Н. Я. Аристов. Промышленность древней Руси. СПб., 1866, стр. I.

³⁷ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 12.

орудий.³⁸ Объясняя особенности развития русской экономики почти исключительно влиянием природных условий, он преувеличивал значение географического фактора в истории России.

Древняя Русь в изображении Аристова представляла из себя ряд обособленных областей, в каждой из которых господствовали земско-общинные отношения. Отличительной чертой земских отношений было наличие самоуправления, которое представляли в деревне — мир, в городе — вече.³⁹ Другая особенность земской Руси была в том, что большая часть земли, рек и других угодий была собственностью общины.⁴⁰ Аристов видел в русской общине основу, на которой можно создать политические и экономические отношения, наиболее отвечающие интересам русского народа. Взгляд его на древнерусскую общину существенно отличался от славянофильской трактовки общины, представлявшей ее в розовом свете. Аристов признавал, что древнерусская община имела определенные недостатки. К ним он относил наличие в ней политического и имущественного неравенства.⁴¹

Хотя и недостаточно определенно, Аристов писал, что древнерусское общество делилось на классы.⁴² Он видел, что наряду с общественной собственностью в древней Руси была частная собственность, в том числе на землю, что частная собственность приобретала все большие размеры.⁴³ Аристов считал общину неспособной к энергичной деятельности и к решительному сопротивлению враждебным ей силам, среди которых главную роль играло государство.⁴⁴

Подобно тому, как это делал Щапов в работах, написанных до 1864 г., Аристов противопоставлял общинным отношениям отношения государственные и считал, что борьба этих начал между собой лежит в основе исторического развития России. Он отрицал влияние варягов на формирование государственных отношений на Руси. «Пришлые князья и дружина варяжская, — писал Аристов, — имели ничтожное влияние на политическую жизнь Руси и вскоре слились с народом, усвоили его порядки и обычаи».⁴⁵

Князья и дружинники, бывшие носителями государственных отношений, некоторое время, по его мнению, не смели нарушать

³⁸ Н. Я. Аристов. Промышленность древней Руси, стр. 244, 259, 260.

³⁹ Н. Я. Аристов. Об отличительных чертах древнерусской исторической жизни. Варшавские университетские известия, 1870, № 1, стр. 50—51.

⁴⁰ Н. Я. Аристов. Промышленность древней Руси, стр. 15, 17, 29, 51, 64.

⁴¹ Там же, стр. 131, 257.

⁴² Там же, стр. 40, 64.

⁴³ Там же, стр. 15, 29.

⁴⁴ Н. Я. Аристов. Заметки о сельском управлении в России. Библиотека для чтения, 1864, № 8, стр. 2—3.

⁴⁵ Н. Я. Аристов. Об отличительных чертах древнерусской исторической жизни, стр. 50.

земские порядки. Князья находились в политической зависимости от общины, так как избирались на вече.⁴⁶ Община оказывала сопротивление князьям при попытке последних смещать старшин, посадских, тысяцких, избранных «всем народом».⁴⁷ Политическая зависимость князей от общины сочеталась, по мнению Аристов, с экономической, поскольку право князя на владение землей, рыбными ловлями, бортьями и т. п., размер взимаемого князем оброка определялись соглашениями с общиной.⁴⁸ Конфликты, возникавшие из-за нарушения князем принятых условий, порой кончались изгнанием князя. Но постепенно князья добиваются ограничения земских прав и приступают к их уничтожению. XVI век Аристов считал временем, когда определилось превосходство государства над земством. «При Иване III и его сыне, — писал он, — народ увидел, что старину его порушили».⁴⁹ В XVI в., по мнению Аристов, «равноправность и самобытность общин» в городах были уничтожены «дружинным, княжеским, боярско-приказным элементом», несмотря на сопротивление горожан и восстания «масс народа» против «аристократических притязаний бояр».⁵⁰

На событиях второй половины XVI в. — начала XVII в. Аристов в своих работах почти не останавливается и делает по поводу этих событий лишь несколько беглых замечаний, стараясь оценить их опять-таки с точки зрения борьбы государственного и земского начал. В силу этого реформы 50-х годов XVI в. представляются ему как поддержка, оказанная Иваном IV земству в борьбе против государственной власти, против «приказно-боярского начала».⁵¹

Период после «смуты» представлялся Аристову временем укрепления государства. Восприсывая в общих чертах схему, принятую Щаповым, Аристов не употребляет вместе с тем принятой Щаповым характеристики общественного строя, существовавшего в России после «смуты» как основанного на государственно-союзном начале. Уничтожение общинного, выборного начала, по его мнению, пагубно сказалось во всех областях жизни: остановилось политическое развитие и воспитание народа;⁵² ухудшилось экономическое положение страны, резко увеличились расходы на содержание служилых людей и армии;⁵³ колонизация новых земель превратилась из свободной в насильственную; создание городов диктовалось не

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Н. Я. Аристов. Русские города и их администрация. Библиотека для чтения. 1863, № 6, стр. 3.

⁴⁸ Н. Я. Аристов. Промышленность древней Руси, стр. 16.

⁴⁹ Н. Я. Аристов. Заметки о сельском управлении в России, стр. 3.

⁵⁰ Н. Я. Аристов. Русские города и их администрация, стр. 4—6.

⁵¹ Н. Я. Аристов. Заметки о сельском управлении в России, стр. 3.

⁵² Там же, стр. 4.

⁵³ Н. Я. Аристов. Следствия падения общинного и выборного начала. Библиотека для чтения, 1862, № 6, стр. 152.

экономическими, а военными соображениями.⁵⁴ Все эти недостатки были присущи, как он считал, России к концу царствования Алексея Михайловича, которое ознаменовалось «окончательным подавлением старых начал, выработанных народом в течение веков, и преобладанием нового порядка и устройства государственного».⁵⁵

Реформы начала XVIII в. Аристов рассматривал как закономерное завершение всего предшествующего развития России, в основе которого лежал процесс последовательного усиления государства и уничтожения земства. Если царствование Алексея Михайловича Аристов рассматривал как полную победу государства, то в реформах начала XVIII в., в деятельности Петра I он видел окончательное уничтожение последних остатков земской власти и общинных начал. Обращая главное внимание на теневые стороны русской жизни начала XVIII в. он приходил к выводу, что петровские реформы резко замедлили развитие русской экономики, привели в упадок русскую промышленность и торговлю.⁵⁶ Аристов упустил из виду объективно-прогрессивное значение реформ начала XVIII в. в истории России. Лишь в одной из статей, относящейся к 1868 г., он признавал, что петровские преобразования имели известную заслугу перед русским народом.⁵⁷

Свое отрицательное отношение к русскому государству XVII—XVIII вв. Аристов обосновывал тем, что оно окончательно подчинило себе народ. Он считал, что известное улучшение полсжения народа произошло лишь во время «смуты», когда ослабление государства освободило на некоторое время народ от тяжких повинностей.⁵⁸ После окончания «смуты» воеводы и начальники вновь захватили власть и к концу XVII в. творили произвол над «одиноким и беспомощным» народом.⁵⁹ В нескольких статьях Аристов писал о том, что реформы и войны начала XVIII в. тяжким бременем легли на плечи народа.⁶⁰

Особенное внимание обращал Аристов на ухудшение положения русского крестьянства. Он замечал, что с увеличением числа

⁵⁴ Н. Я. Аристов. Русские города и их администрация, стр. 9.

⁵⁵ Н. Я. Аристов. Следствия падения общинного и выборного начала, стр. 149.

⁵⁶ Н. Я. Аристов. Русские города и их администрация, стр. 10—11; Н. Я. Аристов. Устройство раскольничьих общин. Библиотека для чтения, 1863, № 8, стр. 1.

⁵⁷ Н. Я. Аристов. О современном состоянии и значении русской истории. Известия и Ученые записки Казанского университета, 1868, вып. 1, стр. 11—12.

⁵⁸ Н. Я. Аристов. По поводу новых изданий о расколе, стр. 76.

⁵⁹ Н. Я. Аристов. Заметки о сельском управлении в России, стр. 5.

⁶⁰ Н. Я. Аристов. По поводу новых изданий о расколе, стр. 77; Н. Я. Аристов. История царствования Петра Великого, стр. 16; Н. Ветвицкий. Отживающие воззрения, стр. 131.

крупных землевладельцев ухудшалось положение крестьян, которые теряли «постепенно право за правом».⁶¹ К концу XVI в. «крестьяне более и более становились в подчинение служилых людей и бояр». При Петре, уничтожившем «последние остатки сельского управления», крепостное право, по его мнению, было окончательно оформлено, «крестьяне лишились совсем земли, которая перешла в собственность государства, равно как и весь народ сделался собственностью помещиков и собственностью законной».⁶²

В тяжелом положении народа искал Аристов причины народных движений. Уделяя большое внимание проблеме народных движений, являвшейся одной из наиболее актуальных в современной ему исторической науке, он интересовался восстаниями, бунтами, разбоями, имевшими место в различные периоды русской истории. Аристов полагал, что еще в древние времена «черных людей заставляли грабить и разбивать ближнего бедственное положение, необходимость добывания пищи и одежды после войн и разорения от пожаров, во время голода и других несчастий».⁶³ Обстоятельно рассматривая народные волнения, охватившие Россию в XVII в., он пришел к выводу, что их причиной были недостатки «общественной и экономической жизни русского народа».⁶⁴ Так как эти недостатки продолжали существовать и в XVIII в., то и «разбой не прекращался в течение целого столетия до восстания народных масс при Пугачеве (1772—1774)».⁶⁵

Поскольку Аристов рассматривал волнения, восстания, бунты как протест против угнетения народа, то и участники этих выступлений были для него не только «обнищальными беглецами», «голушными людьми», но и «народными борцами». Называя крестьянскую войну 1772—1774 гг. «восстанием народных масс», он также подчеркивал, что это движение отражает интересы народа.⁶⁶

Обращая серьезное внимание на историю народов, населяющих Россию, касаясь волнений и восстаний, охватывавших эти народы, Аристов высказывал свое согласие со Щаповым, считавшим, что

⁶¹ Н. Я. Аристов. Заметки о сельском управлении в России, стр. 3.

⁶² Там же, стр. 5.

⁶³ Н. Я. Аристов. Об историческом значении русских разбойничьих песен. Воронеж, 1875, стр. 1.

⁶⁴ Там же, стр. 36. О волнениях в царствование Алексея Михайловича Аристов писал в статьях: «По поводу новых изданий о расколе» (Время, 1862, № 1, стр. 76—77); «Чиновничий элемент в разработке русской истории» (Библиотека для чтения, 1862, № 12, стр. 130); «Заметки о сельском управлении в России» (Библиотека для чтения, 1863, № 8, стр. 5). Стрелецким бунтам была посвящена книга Н. Я. Аристова «Московские смуты в правление царевны Софьи Алексеевны» (Варшава, 1871).

⁶⁵ Н. Я. Аристов. Разбойники и беглые времен Петра Великого (1682—1725). Библиотека для чтения, 1864, № 10—11, стр. 2.

⁶⁶ Н. Ветвицкий. Чиновничий элемент в разработке русской истории, стр. 130.

«главной причиной возмущения инородческих племен, кроме памяти о насильственном присоединении к Московскому государству, была тягость московского владычества». Он разделял и мнение Шапова, что антагонизм народов, населявших Россию, к московскому владычеству «отозвался в бунте Стеньки Разина, в бунтах башкирских и в движении пугачевщины».⁶⁷

В связи с тем, что тяжелое положение народа, приводившее к народным движениям, по схеме, принятой Аристовым, в свою очередь было обусловлено усилением государства, уничтожившего общинные отношения, то и народные движения, в его представлении, в конечном счете были проявлением протеста против гнета государства и стремления восстановить земские отношения. При этом Аристов самые разнообразные движения, будь то крестьянские войны под предводительством Разина и Пугачева, или городские волнения XVII в., стрелецкие бунты или соловецкое восстание, одинаково трактовал как наиболее резкую оппозицию народа по отношению к государству.⁶⁸ Он не обращал должного внимания на особенности этих движений.

К народным движениям Аристов относил и раскол, который считал наиболее высокой и сознательной, с его точки зрения, формой протеста народных масс против гнета государства, сочетавшегося с борьбой за чистоту религии. Неоднократно обращая внимание на антинародный характер официальной церкви и церковников, он не был противником религии и считал раскольников защитниками истинного православия. Аристов полагал, что надежда на восстановление общинных начал в России появилась лишь тогда, когда «против беспорядков жизни гражданской и духовной восстали целые тысячи народа под общим именем раскольников».⁶⁹ Справедливо рассматривая вслед за Шаповым раскол как движение не только религиозное, но и социальное, Аристов преувеличивал роль раскола в русской истории, идеализировал его, не видел присущие этому движению реакционные черты.⁷⁰

Схема, которую Аристов пытался противопоставить концепции государственной школы, фактически содержала многие элементы последней, но отличалась отрицательной оценкой той роли, которую сыграли в истории России «государственные отношения».

⁶⁷ Там же, стр. 131.

⁶⁸ См.: Н. Я. Аристов. Московские смуты в правление царевны Софьи Алексеевны, стр. 87.

⁶⁹ Н. Я. Аристов. По поводу новых изданий о расколе, стр. 82.

⁷⁰ Свое отношение к расколу Аристов изложил в ряде работ, в том числе в статьях «По поводу новых изданий о расколе», «Чиновничий элемент в разработке русской истории», «Раскольниковы дела XVIII столетия» и «Устройство раскольниковых общин» (Библиотека для чтения, 1863, № 7, стр 1—32).

Отрицательное отношение к «государственному началу», сочетавшееся в работах 60-х годов с подчеркнутым вниманием к судьбе угнетенного народа, с интересом к народным движениям, с сочувствием к таким историческим фигурам, как Разин, Булавин, Пугачев, придавало работам Аристов, написанным в петербургский период его жизни, оттенок оппозиционности по отношению к самодержавию и сближало их в ряде случаев с историческими трудами русских просветителей и работами историков народнического направления. Содержавшиеся в этих работах размышления о современных ему проблемах русской жизни, переплетавшиеся с изложением исторических проблем, сводились к утверждению необходимости преобразований в России, в основе которых должна быть русская община. Замечания о том что при этом не следует копировать порядки и обычаи древней Руси, а нужно использовать лишь самый принцип общинных отношений,⁷¹ близки к тем мыслям, которые высказывал по этому же поводу Цапов в статье «Новая эра». Суждения Аристов о необходимых изменениях во внутреннем управлении в России недостаточно определены, но в некоторой степени близки к выдвигавшейся Цаповым идее народовластия.

В работах, написанных в 1867—1882 гг., можно проследить эволюцию политических и исторических взглядов Аристов вправо, которая делается заметной, начиная с 1868 г. Возможно, что эта эволюция была частным случаем в общем отходе некоторой части русской интеллигенции от демократического лагеря в связи с усилением реакции, в частности после выстрела Каракозова. Аристов теперь неоднократно делает попытку исторически обосновать невозможность революции в России, в связи с чем старательно подчеркивает выдвигаемый им с особенной настойчивостью именно в этих работах тезис о самобытности исторического развития России.

Первыми работами, в которых заметна эта тенденция, были статьи «О современном состоянии и значении русской истории» (1868 г.) и «Об отличительных чертах древнерусской исторической жизни» (1870 г.). Обе статьи написаны на основе вводных лекций к курсу русской истории, прочитанных: первая — в Казанском университете, вторая — в Варшавском университете. Не располагая остальными лекциями, нельзя определенно утверждать, но допустимо предположить, что и курс в целом содержал оценки, сходные с теми, которые были изложены в вводных лекциях.

В статье «Об отличительных чертах древнерусской исторической жизни» Аристов не отрицал наличия общих черт в истори-

⁷¹ Н. Я. Аристов. Заметки о сельском управлении в России, стр. 1—2, 23—24.

ческом развитии России и Запада и признавал, что «все народы растут и мужают, подчиняясь в главных чертах одинаковым законам развития». Но вслед за этим он замечает, что эти общие законы развития являются предметом изучения всеобщей истории. Что же касается историков России, то они, по его мнению, должны заниматься изучением специфических особенностей русской истории.⁷² Западноевропейским государствам, в которых все построено на господстве личности, Аристов противопоставляет Русь, в которой, в его представлении, господствуют общинные начала, объединяющие между собой на основе христианского братства все классы, которые не имеют между собой особого различия. Он доказывает, что в подобном обществе не может возникнуть борьба между враждебными классами, не могут родиться силы, подобные тем, которые стали во главе революционного движения на Западе в XVIII в.⁷³

В статье «О современном состоянии и значении русской истории», опубликованной в 1868 г., Аристов, упрекнув историков, сравнивающих исторические судьбы России и Запада, в том, что они «меряют все на иностранный аршин», утверждает, что «демократизм и другие явления жизни на Западе вытекают из последовательного самостоятельного развития и борьбы разнородных классов общества и не имеют никаких оснований в русской истории». Замечание же о том, что трезвое изучение русской истории «отбило бы во многих охоту к либеральничанью и убило бы задорные мечты, навеянные французскими и польскими поползновениями»,⁷⁴ говорит о враждебном отношении Аристова к революции, о его попытках изобразить современное ему революционное движение как совершенно чуждое для России явление и о намерении использовать историческую науку в борьбе с революционерами.

В работах, относящихся к последним годам жизни Аристова, несколько раз проскальзывают враждебные выпады против революционеров. Особенно характерны в этом отношении три статьи, посвященные Н. В. Гоголю. Декабристов Аристов характеризует как «горсть военных и бояр», которые в согласии с «польскими панами», «помимо народа», пытались совершить переворот в России для установления господства аристократии. «Бунт декабристов», по мнению Аристова, лишь «вызвал лишние стеснения

⁷² Н. Я. Аристов. Об отличительных чертах древнерусской исторической жизни, стр. 43.

⁷³ Там же, стр. 50, 54, 55.

⁷⁴ Н. Я. Аристов. О современном состоянии и значении русской истории, стр. 7.

и крайние строгости» со стороны правительства⁷⁵ и положил конец благим начинаниям, предпринятым при Александре I, в царствование которого якобы «кипела преобразовательная работа, а еще более было намечено замыслов по улучшению внутреннего строя русской жизни».⁷⁶ Царствование Николая I он характеризует отрицательно: миллионный народ оставался в рабстве у крепостников-помещиков, продолжались крестьянские волнения, росло злоупотребление чиновников.⁷⁷ Аристов был современником народнического движения, к которому в последние годы жизни относился с откровенной враждебностью. Революционеры в его представлении — возникшая среди русской молодежи «межумочная партия, которая не держится ни иностранных, ни народных начал жизни и отрицает всякие основы для создания порядка и деятельности человеческих обществ».⁷⁸

В своих исторических построениях последних лет Аристов уже не берется критиковать работы историков буржуазно-дворянского направления. Он склонен изобразить развитие русской исторической науки в виде «единого потока» и не пытается искать в русской историографии принципиально различных направлений. Эти настроения Аристова наиболее ясно отразились в его статье «Разработка русской истории в последние двадцать пять лет (1855—1880)».⁷⁹

В этой статье Аристов высказывает вполне верноподданнические мысли о том, что успехи в развитии русской историографии в 1855—1880 гг. обеспечены были благоприятными условиями, созданными в царствование Александра II.⁸⁰ Перечисляя труды русских историков в соответствии с той или иной исторической тематикой, называя наиболее интересные, с его точки зрения, труды по истории церкви, военной истории, археологии, он не делает попытки разделить историков на тех, которые преимущественно изучают историю государства, и тех, которые главное внимание обращают на историю народа, как это было в его ранних работах. Теперь Аристов ухитряется поставить рядом таких различных историков, как представителя славянофильского направления

⁷⁵ Н. Я. Аристов. Иноземное влияние в России, изображенное Гоголем в его сочинениях. Цит. по кн.: Н. Я. Аристов. Сочинения Н. В. Гоголя со стороны отечественной науки. СПб., 1883, стр. 77.

⁷⁶ Н. Я. Аристов. Историческое значение сочинений Гоголя. Цит. по кн.: Н. Я. Аристов. Сочинения Н. В. Гоголя со стороны отечественной науки, стр. 15—16.

⁷⁷ Там же, стр. 16.

⁷⁸ Н. Я. Аристов. Иноземное влияние в России, изображенное Гоголем в его сочинениях, стр. 147.

⁷⁹ Н. Я. Аристов. Разработка русской истории в последние двадцать пять лет (1855—1880). Исторический вестник, 1880, № 4, стр. 665—680.

⁸⁰ Там же, стр. 665.

И. Д. Беляева и крупнейшего представителя государственной школы Б. Н. Чичерина.⁸¹ Н. И. Костомаров упоминается лишь как историк, сочинения которого интересны не только специалистам, но и широкому кругу читателей.⁸² А. П. Щапов, которому в 60-е годы Аристов отводил совершенно особое место, видя в нем ученого, изучающего прежде всего историю народа, упомянут лишь как создатель областнической теории.⁸³

Наиболее крупными историками рассматриваемого периода Аристов называет М. П. Погодина и С. М. Соловьева, не оговаривая при этом различия в их взглядах. Наибольшим достижением в разработке отечественной истории в 1855—1880 гг. Аристов признает труды С. М. Соловьева. Он уже не упрекает Соловьева в «чиновничьем подходе» к русской истории, как делал это в 60-е годы. Правда, Аристов оговаривается, что в первых томах «Истории России» Соловьев обратил недостаточное внимание на изучение народной жизни, а впоследствии исправил этот недостаток. Этой оговоркой, возможно, он старается объяснить свои прежние нападки на Соловьева.⁸⁴ Нам кажется также, что Аристов, не раз заявлявший, что история должна отвечать требованиям современности, в 1880 г. стоял примерно на той же политической платформе, какую занимал при жизни Соловьев, исторически обосновавший необходимость буржуазной монархии, сторонником которой к концу жизни стал и Аристов.

Стараясь показать, что все историки служили одному делу, Аристов явно преувеличивает заслуги славянофилов в изучении русской истории. Хотя он придерживался схемы, отличной от славянофильской, его попытки доказать самобытность русского исторического процесса, резко отрицательное отношение к реформам начала XVIII в. имели общие черты с славянофильскими идеями. Смешав воедино выдвигавшийся славянофилами тезис «самобытности» истории России с теорией органического развития русской истории, которую отстаивали противники славянофильства, Аристов изобретает термин «самобытного органического процесса» русской истории и старается уверить читателей, что опять-таки славянофилы помогли понять, что в русской истории «все ее явления имеют внутреннюю неразрывную связь, и настоящее положение дел есть логический вывод прошедшего».⁸⁵

Последний труд Аристова — книга «Афанасий Прокофьевич Щапов». Собрав большой фактический материал, Аристов сумел

⁸¹ Там же, стр. 669.

⁸² Там же, стр. 672.

⁸³ Там же, стр. 676.

⁸⁴ Там же, стр. 671—672.

⁸⁵ Там же, стр. 668, 669.

живо и выразительно изложить биографию Шапова, удачно воспроизвести обстановку, в которой последний жил, учился, работал. Аристов рассказывает, какое впечатление произвела на Шапова рецензия Н. А. Добролюбова на его работу «Русский раскол старообрядства», оказавшая значительное влияние на формирование исторических воззрений Шапова. В книге Аристова можно найти сведения о встречах Шапова с Н. Г. Чернышевским, о взаимоотношениях Шапова и А. И. Герцена. Выход в свет книги Аристова послужил толчком к появлению новых работ о Шапове. Книга эта была не простым изложением биографии Шапова, в ней делалась попытка дать общую оценку его деятельности. Одновременно в общих чертах определялось место Шапова в разработке русской истории. Оценки, содержащиеся в книге о Шапове, даны Аристовым с позиций либерально настроенного историка. Он не показал социальные причины трагической гибели Шапова. В изложении Аристова Шапов представлен человеком, который из-за неуравновешенности характера безрассудно увлекся политикой и тем испортил себе жизнь. На подобное объяснение, как на явно необоснованное, обратил внимание Г. В. Плеханов, писавший в своей рецензии, что Аристов почти на каждой странице оплакивает присутствующий Шапову «задор судить и рядить о делах практических», развитие в нем «интереса к политике» и видит причину его гибели в «диком нраве и непростительном упорстве».⁸⁶ Перечислив основные работы, принадлежавшие перу Шапова, Аристов старается отметить особенности его как историка. Аристов обращает внимание на отрицательное отношение Шапова к историкам государственной школы, пишет об отличии его от славянофилов. Характеризуя Шапова как историка, обращавшего основное внимание на историю народа, Аристов считает наибольшей заслугой Шапова разработанную последним теорию земского начала и принцип областности. Работы Шапова, написанные до 1864 г., как построенные по этой схеме Аристов считает наиболее интересными. Аристов неодобрительно отнесся к тому, что Шапов отбросил ее и попытался построить новую концепцию истории России на основе естественнонаучного материализма. В книге «А. П. Шапов» Аристов прямо пишет об этом, высказывая сомнение в научной ценности работ, написанных Шаповым после 1864 г.⁸⁷

Аристову принадлежит заслуга разработки отдельных проблем истории России. Его ранние работы были написаны под влиянием демократического направления в русской историографии, которое он испытал на себе в 60-е годы. Под воздействием этого направления Аристов сумел отметить недостатки, присущие трудам исто-

⁸⁶ Г. В. Плеханов, Соч., т. II, изд. 2-е, М.—Пгр., 1924, стр. 11.

⁸⁷ Н. Я. Аристов. Афанасий Прокофьевич Шапов, стр. 111, 116—119.

риков государственной школы, выдвинуть прогрессивную для своего времени трактовку отдельных проблем, например истории народных движений, серьезно заняться почти неисследованной до него темой — историей русской экономики. Позднее Аристов отошел от демократических кругов, что отразилось и в его исторических построениях, в особенности в последние годы жизни, когда он старался найти общую точку зрения со своими бывшими противниками — историками государственной школы.